

Кошеева цепь. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://prishvinmihail.ru/> Приятного чтения!

Кошеева цепь. Михаил Михайлович Пришвин

Хроника

ЗВЕНО ВТОРОЕ. МАЛЕНЬКИЙ КАИН.

БАБЫ.

Иногда попадешь в такую полосу жизни, плывешь, как по течению, детский мир вновь встает перед глазами, деревья густолиственные собираются, кивают и шепчут: "жалуй, жалуй, гость дорогой!". Являешься на зов домой, и там будто забытую страну вновь открываешь. Но как малы оказываются предметы в этой открытой стране в сравнении с тем, что о них представляешь: комнаты дома маленькие, деревья, раньше казалось, до неба хватали, трава расла до крон, и все дерево было, как большой зеленый шатер; теперь, когда сам большой, все стало маленьким: и комнаты, и деревья, и трава далеко до крон не хватает. Может быть так и народы, расставаясь со своими любимыми предками, делали из них богатырей – Святогора, Илью Муромца? А может быть и сам грозный судия стал бесконечно большим оттого, что бесконечно давно мы с ним расстались? Так и случается, как вспомнишь, будто вдвойне, одно – живет тот бесконечно большой судия, созданный всеми народами, и тут же свои живут на каждом шагу, на каждой тропинке, под каждым кустом маленькие боги-товарищи. Никогда бы эти маленькие свои боги не посоветовали ехать учиться в гимназию, это решил судия и велел: "собирайся!".

Милый мой мальчик, как жалко мне с тобой расставаться, будто на войну провожаю тебя в эту страшную гимназию. Вчера ты встречал меня весь мой, сегодня я не узнаю тебя, и новые страхи за твою судьбу поднимаются, как черные крылья.

Вот он идет по мостику в купальню и слышит, деревенские мальчишки кричат: – "скоро в гимназию повезут, а он с девками купается". Почему вчера еще это самое мимо ушей проходило, а сегодня задело? Минуточку подумал, поколебался, итти в купальню или убежать, но решил: – "какие же это девки Маша с Дунечкой!" и по мостику прошел в обшитую парусиной купальню. День был жаркий, перед самым Ильей, девушки плескались в воде, и от солнца в брызгах показывалась радуга. Вдруг как загрохочут мужики, бабы и девки на молотилке во все свои грохота, заглушили и шум барабана, и стук веялки. Очень хотелось бы девушкам разузнать, в чем тут дело, отчего такое веселье на молотилке, но показаться в пруд из купальни было невозможно: на том берегу, будто из самой воды, выходит высокий омет золотой соломы, и на самом верху, как Нептун с трезубцем, стоит Илюха с вилами и все видит оттуда и над всем потешается. Дальше по берегу пруда, как хорошие куличи, стоят скирды и их вершат и перетягивают скрученными соломенными канатами, на каждом скирду по мужику. Курымушка выпросился поплавать в пруду, скоро все разузнать и рассказать. Прямо из дверцы купальни своими "саженками" он поплыл к Илюхину омету, к этой золотой горе, откуда смех выходил, как гром из вулкана. Плыл и дивился, а дело было самое пустяковое.

Конечно, вся молотьба идет только хлопотами старосты Ивана Михалыча, вот он нырнул в темноту риги к погоняльщикам, кричит ребятишкам: – "эй, вы, черти, живей, погоняй!", выйдет оттуда к подавальщику, сам схватит сноп и, пропуская, учит: – "ровней, ровней, подавай, чтобы не было бах-бах! а шипело; не забивай барабан, – неровен час – камень попадет, зуб вышибет в машине, девок перебьешь". Долго возится у конной веялки с ситами, выходит оттуда весь в мякине и распорядится "халуй" – какой-то мякинный сорт – перекидать живо от веялки в угол. У сортировки, где громадный чистый ворох зерна все растет и растет, Иван Михалыч непременно возьмет метло и так ловко сметет два-три полуколосика, будто артист-парикмахер причешет красивую голову. Но еще лучше, когда зерно захватят мерой для ссыпки в мешки и в мере – верх, так вот этот верх зерна срезать лопатой в чистоту, ж-жик! и мерка с зерном стоит раскрасавицей. От полыни, от пота людского и конского во рту горько и даже солоно, ворота риги дышат этим на жаркое солнце. Иван Михалыч выходит из ворот поглядеть на свет Божий, но и тут нет ему покоя; сразу глазом схватил: Илья напустил вязанки и повел омет влево.

– Подай, подай вправо, – кричит, – не напуцай!

И вот тут-то случилось: привязанный к столбу жеребенок, на которого все время

Кошеева цепь. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru под жарким солнцем дышала потно-попынная рига, одурелый поднялся на дыбы, обхватил шею Ивана Михалыча передними ногами и при всем народе пожелал обойтись со старостой, как с молодой кобылицей. От этого все и пошло. Первый сигнал подал тот Нептун с трезубцем на вершине золотой горы, Илюха: га-га-га! и грохнулся с вилами на солому; поднялся, опять: га-га-га! и опять грохнулся. Те бабы, что взбирались на омет с носилками, так и осели на месте, и что они, барахтаясь в соломе, выкрикивали и причитывали: – "ой, бабочки, ой, милые!" – было похоже скорее на рыдание, чем на смех; на скирдах тоже враз легли мужики и бабы; все, кто в риге был, выбежали; один парень шесть баб повалил, лег на них поперек мостом, сам гогочет, а все шесть визжат, как поросята, в далекий слух; другой парень пустился за девкой по черному пару, догнал, – и там на горячей земле большой взвился над ними столб пыли и закрыл их, как дым. И, кажется, даже само горячее летнее солнце на синем небе запрыгало. Под тяжестью жеребенка Иван Михалыч сначала осел на колени, потом приподнялся, крикнул: – "леший тебя разобрал, поди прочь, поди прочь!", а жеребенок все пуще и пуще, порядочно времени прошло, пока Иван Михалыч освободился: успели уже остановиться и молотилка, и веялка, и сортировка. И тут бы старосте самому засмеяться, а он рассердился и раз! жеребенка в морду кулаком. Тогда не выдержал Илюха наверху, схватил бабу, задрал ей рубашку, хлопнул ладонью и, схватившись с ней, как воробья соломы и, рухнув, закрыла всех – и шесть баб с поперек лежащим на них парнем, и Илюху с бабой, и самого Ивана Михалыча, и жеребенка.

– Мала куча, мала куча! – крикнули мальчишки-погонщики, вскинувшись мигом на солому, похоронившую старосту.

Сбежались девки подметальщицы, с ними первая Катерина Жируха.

– Мала куча, мала куча! – кричала Жируха, взбираясь наверх, и только взобралась, вдруг под соломой, ударил жеребенок передом, задом, взвился на дыбы, и вся куча рассыпалась.

В эту самую минуту голенький вышел из пруда Курымушка и не чуя беды над собой, подобрался к самому току. Жируха крикнула подметальщицам: "лови его!" и в миг он был окружен.

– Бей их, лупи! – крикнул, подымаясь, Илья.

Курымушка ударил Катерину кулаком в какую-то подушку.

– В дойло попал! – крикнул Илья, – бей по дойлам, бей их по дойлам, вот так, молодец!

Чуть-чуть бы еще, и выскочил из круга, но Катерина вдруг завалилась на него и придушила, как печь таракана. Душила Курымушку, в роту стало горько, солено, даже крикнуть было нельзя от щекотки, и, кажется, чуть бы еще, – и пропасть, но тут Иван Михалыч силу забрал, со всего маху плашмя лопатой хлопнул по заду Катерину и сразу Жируху в память привел. Курымушка вырвался и бросился к пруду, а вслед ему крикнул Илья:

– Это, брат, тебе не со своими девками купаться в пруду!

Под густую иву на сук у воды сел и спрятался Курымушка, будто в воду ушел, и так ему стало, что невозможно плыть ему обратно в купальню к Маше и Дунечке: ему в эту минуту первый раз только ясно стало, что и они были такие же, как все – бабы. Так он и остался надолго сидеть под ивой, не зная что делать. Долго со всех сторон звали его голоса, как в раю голос Бога слышался после грехопадения: "Адам, Адам!". Маленький Адам лучше бы утонул, чем голый показался, потому что все они, все они – бабы. Когда он высмотрел, что девушки ушли из купальни, поплыл туда, оделся и вернулся домой мужчиною: с бабами больше он не купается. Это хорошо дома поняли. Маша привезла ему из города синюю гимназическую фуражку, он ее надел, сразу стал большой, а около Успенья, отслужив молебен на дому, мать повезла его в гимназию.

АРХИЕРЕЙ.

Ехали по большаку. Никогда не виданный город показался сначала одним только собором. Эта белая церковь в ясные дни чуть была видна с балкона, и что-то

Кошеева цепь. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru слышалось с той стороны в праздники, о чем говорили: "в городе звон". Теперь таинственный собор словно подходил сюда ближе и ближе. Изредка в безлесных полях, как островок, показывалась такая же усадьба, где и Курымушка жил, с такими же белыми каменными столбиками вместо ворот. Очень странно думалось, глядя на эти ворота: что, если заехать туда, будет казаться, будто много там всего и самое главное – там; а если выехать, то главное кажется тут, на большаке, этому конца нет, а усадьба – просто кучка деревьев. "Неужели и у нас так же?" – подумал Курымушка, – но отстранил эту неприятную мысль хорошей: "у нас лучше всех". Показалась рядом с белым собором синяя церковь, сказали: "это старый собор". Показался Покров, Рождество и, наконец, Острог – тоже церковь; среди зеленых садов покраснелись крыши, сказали: – "вот и гимназия!". В это время на большак с проселочных дорог выехало много деревенских подвод, растянулись длинной цепью, и это стало – обоз. Помещичьи тряские тарантасы обгоняли обозы, а какие-то ловкачи на дрожках на тугих возжах, в синих поддевках и серебряных поясах обгоняли тарантасы. Всем им на встречу возле кладбищенской церкви выходил старичок с колокольчиком, никто почти ему не подавал, а он все звонил и звонил. В Черной Слободе все подводы будто проваливались: это они спускались тихо под крутую гору до Сергия. Ловкачи в серебряных поясах пускали с полгоры своих коней во весь дух и сразу выкатывались на пол-горы вверх. Когда выбрались наверх из-под Чернослободской горы, тут сразу во всей славе своей и стал перед Курымушкой собор, и тут на Соборной улице, в доме, похожем на сундук, у матери прямо же и начался разговор о Курымушке с тетушкой Калисой Никаноровной.

– Необходимо свидетельство о говении, – говорила тетушка Калиса Никаноровна, – неужели он у тебя еще не говел?

– Не говел, – какие у него грехи, вот еще глупости!

– Ну, да, конечно, ты ли-бе-рал-ка, а все-таки без свидетельства в гимназию не примут. Веди сегодня ко всеобщей, сговоришься с попом: он как-нибудь завтра его исповедует.

Какая-то не то музыка, не то работа большой молотилки чудилась теперь Курымушке, но совершенно не так, как в деревне: там гудит на гумне молотилка, а в саду сами по себе птицы поют, – тут все и ездят, и ходят, и говорят под эту музыку. Не успел о чем-нибудь подумать, как уже это прошло, и под музыку началось думанье о совершенно другом: в голове стало тоже все быстро крутиться, как в молотилке.

Даже и в соборе это не остановилось, – напротив, тут уже совсем разбежались глаза – столько людей! и между ними дорога малиновая уходит к золотым воротам, слышится оттуда ангельское пение, и батюшка в золотой ризе копается над чем-то – чудесно! Хотел Курымушка о чем-то спросить мать, оглянулся, а ее нет как нет! Спросил господина, тот улыбнулся и ничего не сказал. Другой показал на малиновую дорогу, и Курымушка по дороге этой идет вперед, всех спрашивает: – "где моя мама?". Ничего не отвечают, а только улыбаются, а он все дальше и дальше идет по малиновой дороге, и страх, похожий на прежний детский в лесу, одолевает его: он один среди этой толпы, где никто не знает ни его, ни его маму. Вот эта малиновая дорога ступенками поднимается к золотым воротам, туда, конечно, надо итти, узнавать у батюшки, тот все должен знать. Со всех сторон, слышит, кричат: – "куда, куда, вернись, стой!", но это ему только ходу поддает, он почти бежит к батюшке для защиты от страшной толпы. И когда он прошел в Царские врата, – "ах!" кто-то сзади, кто-то фыркнул, – батюшка обернулся, спросил:

– Тебе что, мальчик?

– Маму потерял, – ответил Курымушка.

И только это сказал, мамин голос зовет: – "иди, иди сюда скорей, я тут!". Хотел броситься назад, но батюшка ухватил его сзади за пискун-волос, потом за руку, ведет его куда-то, ставит перед иконой на колени, велит строго положить двенадцать поклонов. – "Господи, милостив буди мне, грешному", шепчет Курымушка свою любимую молитву. Через какие-то боковые двери батюшка ведет его, и тут ожидает мать.

– Что же он у вас, неужели в церкви никогда не бывал? – спросил батюшка.

– Мы в деревне живем, – конфузливо ответила мать, – в городе он никогда не

бывал.

- Ну, ничего, - заметив смущение матери, сказал батюшка, - всему свое время; а признак хороший, через Царские ворота прошел, он еще у вас архиереем будет.

- Архиерей, архиерей! - засмеялись на клиросе певчие.

И пока шли до самого своего места, везде смеялись и шептали:

- Архиерей, архиерей!

На другой день Курымушка был опять в соборе, но все было тут по другому: ни малиновой дороги, ни огней, ни толпы, и только черные старушки в мантильках с гарусом впились кое-где глазами и сердцем в иконы. Курымушка и себе стал, подражая старушкам, так же впиваться в иконы, а мать ему тихо шептала, что на исповеди все нужно открыть, все грехи, все тайны. Вот думать про это стало почти непереносимо, - разве можно так вдруг все и открыть, а если что-нибудь забудешь?

- А если забудешь, - спросил он, - господь покарает?

- Забудешь, ничего, - ответила мать, - а будешь помнить, да утаишь, то покарает.

Но легче не стало от этого: "захотеть", - казалось ему, - можно все вспомнить, а можно не захотеть и будто все забыл; как же тогда быть, за это покарает господь, что захотел или не захотел".

- Надо полное раскаянье, - сказала мама.

- С чего же начать?

- Батюшка сам тебя спросит, и ты ему отвечай на все: - "грешен, батюшка".

Вот это очень хорошо, это твердо запомнил Курымушка и спросил последнее:

- Если я не грешен и скажу "грешен, батюшка!", за это покарает господь?

- Нет, это ничего, мы во всем немножко грешники.

Тогда из боковой двери вышел батюшка в черном, кивнул головой, мать сказала сначала "иди!", а потом: - "стой, подожди, вот возьми двугривенный и отдай батюшке за исповедь".

Так, было, с этим "грешен, батюшка!" все хорошо наладилось и вдруг этот несчастный двугривенный все дело испортил, явилась дума: "когда отдать его и как отдать, а главное, если надо говорить "грешен" и открываться во всем, то как в то же время держать в зажатой руке двугривенный и думать, как его отдать".

- Веруешь в бога? - спросил батюшка.

- Грешен! - ответил Курымушка.

Священник, будто, смешался и повторил:

- В Бога Отца, Сына и Святого Духа?

- Грешен, батюшка!

Священник улыбнулся:

- Неужели ты сомневаешься в существовании божием?

- Грешен, - сказал Курымушка и, все думая о двугривенном, почти со страстью повторил: - грешен, батюшка, грешен.

Еще раз улыбнулся священник и спросил, слушается ли он родителей.

- Грешен, батюшка, грешен!

Кошеева цепь. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Вдруг батюшка весь как-то просветлел, будто окончил великой тяжести дело, покрыл Курымушке голову, стал читать хорошую какую-то молитву, и так выходило из этой молитвы, что, слава Тебе Господи, все благополучно, хорошо, можно еще пожить на белом свете и опять согрешить, а Господь опять простит.

Главное же Курымушке стало хорошо оттого, что двугривенный можно теперь и не отдавать: вывел он это верно из того, что раз всякая тяжесть с души снималась, то и двугривенный тоже. Он поцеловал крест и спокойно опустил двугривенный в карман. С сияющей улыбкой ожидала его мать, встретила, будто давно с ним рассталась, спросила:

- Ну, как, все свои тайны открыл?

- И открывать-то нечего было, - победно ответил Курымушка, - он их и так все простил, он добрый.

- И ты отдал двугривенный?

- Нет, не отдал, это не нужно.

- Не взял?

- Я не давал, это не нужно оказалось, молитва такая есть, все прощается.

- Как не нужно, иди сейчас, отдай и покайся.

- Не пойду!

- Как ты смеешь! так завтра нельзя причащаться, ты деньги притаил, это грех, пойдем вместе, пойдем!

Больно было, что мать не понимала, как прощен был двугривенный, и вот это всегда самое плохое на свете: - "я не виноват, а выходит виноват, и никак нельзя этого никому объяснить, даже мать не поймет". Курымушка заплакал, мать приняла это за каприз, тащила его за рукав, громко шептала у алтаря, вызывая: - "батюшка, батюшка!". Он вышел. Мать объяснила ему грех Курымушки, - не отдал деньги и теперь вот плачет.

- Ничего, ничего, Бог простит, - ответил батюшка, поглаживая его по голове, - и смотрите еще, он у вас архиереем будет.

На другой день после причастия было получено свидетельство о говении, мать спешила в деревню к посеву озими. Из окна своей комнаты у доброй немки Вильгельмины Шмоль Курымушка видел, как гнедой Сокол долго поднимал мать на Чернослободскую гору, и у кладбищенской березовой рощи, где выходит непременно старичок с колокольчиком, мать скрылась. Березки кладбищенской рощи уже стали желтеть, и это как-то сошлось с желтой холодной вечерней зарей, и желтая заря сошлась с желтобокой холодной Антоновкой в крепкой росе, все свое деревенское встало неизъяснимо прекрасным и утраченным навсегда. Особенно больно было какое-то предчувствие, что мать никогда уже не вернется такой, как была, это схватило, сжало всю душу мальчика, он положил голову на подоконник, зарыдал, и так все плакал, и плакал, пока не уснул под уговоры доброй Вильгельмины.

КОРОВЬЯ СМЕРТЬ.

Бывает, - на берегу лежит лодочка, к ней уже и чайки привыкли, садятся рыбу клевать; странник лег отдохнуть, но вот подошла волна, схватила и понесла куда-то лодочку с человеком, только человек тот ни при чем, нет у него ни весел, ни руля, ни паруса. Так вот и Курымушку волна подхватила и выбросила на самую заднюю скамейку, тут сел он рядом с второгодником, по прозвищу Ахилл. Гигант второгодник был всем хорош, - слабость его была только одна: несчастная любовь к Вере Соколовой. Ахилл сразу все рассказал Курымушке про учителей.

- Директора, - сказал он, - ты не бойся, - он справедливый латыш; был бы ранец на плечах, все пуговицы пришиты, не любит, если сморкаешься на себя и носишь на куртке сморчок, разное такое, к этому привыкнешь. Инспектор тоже не страшен, - он любит читать смешные рассказы Гоголя и сам первый смеется; угодить ему просто: нужно громче всех смеяться; когда он читает, то хохот идет в классе, как

Кошеева цепь. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru в обезьяньем лесу, за это и прозвали его Обезьян. Есть еще надзиратель Заяц, - сам всего до-смерти боится, но ябедничает, доносит, нашептывает; с ним надо поосторожнее. Козел - учитель географии, считается и учителями за сумасшедшего; тому - что на ум взбредет, и с ним все от счастья. Страшней всех учитель математики Коровья Смерть, тот как первый раз если поставил единицу, так с единицей и пойдешь на весь год. Твоя фамилия очень плохая, начинается с буквы А, первый всегда будешь попадать, тебе нужно хорошо выучить первый урок, а то сразу под Коровью Смерть попадешь, и тут тебе крышка.

- Почему же он называется Коровьей Смертью? - спросил Курымушка.

- Вот почему: ежели он тебе единицу в начале поставил, и ты с этой единицей пошел на весь год, то ты уже больше не ученик, а корова.

- Ты сам - корова?

- Был прошлый год коровой, тут все назади были коровами, но я надеюсь в этом году попасть в ученики. Ты это сам поймешь сразу, - вот он идет.

Коровья Смерть, рыхлый и серый лицом, вошел к костылем, сел на кафедру и ногу положил отдельно на стул: в ноге, сказали, у него подагра. Все вынули синие тетрадки и стали под его диктовку писать весь час правила.

- Это вызубри, - учил Ахилл, - на зубок, тебя завтра первого спросит, - смотри, не подведи, а то с тебя рассердится, и пойдет, - много лишних коров наделает.

- Не подвести бы класс! - опасливо думал Курымушка дома, приступая к зубрежке. В слове "класс" ему сразу далось что-то очень хорошее, за что нужно стоять и, Боже сохрани, подвести. А что учителя - враги классу, то это само собою понятно. Зубрить Курымушка начал возле того самого окошка, откуда виднелась кладбищенская березовая роща, за которой далеко в полях был рай, так ему теперь представлялся их дом в саду. Очень было трудно зубрить, думая о желтобокой Антоновке, но он честно вызубрил, а утром повторил и, когда в гимназию шел, все твердил: "сложение есть действие...".

- Хорошо вызубрил? - спросил Ахилл.

- Хорошо.

- Ну-ка!

- Сложение есть действие...

И стал.

- ... посредством которого... - подсказал Ахилл.

- Да, да: посредством которого...

- Стой, идет!

- Идет, идет, идет! - прошумело в классе и стихло, как перед грозой.

Далеко слышался в коридоре стук костылем. Коровья Смерть приближался, в классе все мертвело и мертвело. А когда Смерть вошел и сел на кафедру, Курымушке все стало бледно вокруг и слабо в себе. Немо прозвучало какое-то ужасное слово, невозможно было его принять на себя, а все-таки слово это было: Алпатов.

- Тебя, тебя! - шептали вокруг.

- Алпатов здесь?

- Здесь, здесь! - крикнули за Курымушку и толкнули его вперед между партами, дальше еще толкнули, и так пошло до самой кафедры и все шло как с самого начала: без весел, без руля, без паруса волны несли куда-то Курымушку.

- Дай тетрадь!

Кошеева цепь. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Курымушка подал.

- Что есть сложение?
- Сложение есть действие...

Запнулся.

Везде в классе, как тетерева в лесу шипели и бормотали:

- ... посредством которого, посредством которого...
- Молчать! - крикнул Коровья Смерть.

Курымушка погрузился куда-то в глубокую бездну и уходил туда все глубже и глубже.

- Долго ли ты будешь молчать?

Жужжала муха осенняя, летала по классу, будто над ухом молотилка гудела, и стучалась в стекло, как топором: бух! бух! Тут было как на стойке по зрячей дичи, есть такие шальные лягаши: видит, у самого носа его птица сидит в траве, и стоит, не тронет, только глаза огнем горят и где-нибудь у задней ноги еле заметно шерсть дрожит и дрожит, так стоять бы ему до смерти, но птица шевельнулась... и, - вот зачем левая передняя нога на стойке у лягаша подогнута, - эта левая нога теперь метнулась, как молния, и полетел шальной пес с брехом по болоту за дичью.

Курымушка тоже, как птица, шевельнулся и посмотрел искоса на учителя: у-у-у! - что там он увидел: у-у-у, какая страсть! Коровья Смерть, чуть-чуть покачивая головой сверху вниз, выражая такое презрение, такую ненависть, будто это не человек стоял перед ним, а сама его подагра вышла из ноги и вот такой оказалась, в синем мундирчике, красная, потная, виноватая. Курымушка скорей отвел глаза, но было уже поздно: раз птица шевельнулась, стойка мгновенно кончается, Коровья Смерть спросил:

- Отец есть?
- Нет отца, - ответил тихо Курымушка.
- Мать есть?
- Есть!
- Несчастливая мать!

Надорвал синюю тетрадку до половины, сказал:

- Стань в угол коровой!

Вот если бы теперь, в этот миг Коровья Смерть не грозил каждому в классе, с какой бы беспощадной жестокостью все крикнули бы Курымушке: "Корова, корова!", но уже и другой стоит, потупив глаза.

- Отец есть?
- Есть!
- Несчастный отец. Стань в угол коровой.

Третий потупился.

- Мать есть?
- Есть.
- Несчастливая мать. Стань в угол коровой.

Кошеева цепь. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Вторая корова, третья, четвертая, и Ахилл тут с разорванной тетрадкой на второй год в коровы попал.

- Раз это так водится, - подумал Курымушка, - то с этим ничего не поделаешь, я тут не виноват, так и маме скажу, не виноват и - конечно, она это поймет.

- Теперь, брат Алпатов, - сказал после урока Ахилл, - можешь не учить правила совсем, выучишь, не выучишь, на весь год пойдет единица: ты теперь корова.

И правда, на другой день у Курымушки было опять то же, только очень коротко и легко, на третий, на четвертый, в субботу выдали "кондуит" и единицы в нем стояли, как ружья.

С легким сердцем возвращался домой Курымушка, решив твердо, что он не виноват, только эта легкость была совершенно особенная, не прежняя птичья, а вот как полетчик в цирке на канате: можно и оборваться. Но и это все прошло, как только увидел он на дворе Сокола, все забыл и бросился по лестнице наверх и на ходу уже чуял носом: яблоки, яблоки, яблоки. Мать тоже услышала его и тоже бросилась к лестнице, тут они и встретились и слились, как два светлых луча.

Только скоро набежала тучка на солнышко.

- Как твои дела? - спросила мать.

- Ничего, - ответил Курымушка, - дела как дела.

- Кондуит отдали?

- Отдали.

- Покажи!

Тучка растет, растет, и вот они единицы, как ружья, стоят.

- Что же это такое?

- Я не виноват, - сказал Курымушка, - учителя несправедливые.

Мать заплакала. Курымушка бросился к ней и вместе заплакал.

- Мама милая, ты не на меня это, не на меня, это они несправедливые, я не виноват.

И этого она понять не могла; как она не могла этого понять! Ее лицо говорило: может быть, это и правда, ты не виноват, но мне-то что, мне нужно, чтобы у тебя выходило.

Сразу она стала будто чужая, так и уехала будто чужая. Сухими глазами провожал ее из окна Курымушка на Чернослободскую гору: предчувствие тогда не обмануло его, маму он теперь совсем потерял.

Грустно качала головой добрая Вильгельмина.

КОЗЕЛ.

В актовом зале, где каждый день в без четверти девять вся гимназия от пригостишек до восьмиклассников выстраивалась на молитву амфитеатром, большое огорчение Зайцу доставляло параллельное отделение первого класса: великаны этого класса каким-то островом торчали среди всей мелюзги первых рядов, и на острове этом Рюриков был еще головой выше всех. Случилось, кто-то при постройке колонны задел этого Рюрика, тот ударил ответно и нечаянно сильно задел Курымушку. В этот самый момент проходила колонна восьмиклассников, и Курымушке при них особенно стыдно показалось спустить Рюрику свою горячую затрещину. Маленький Курымушка разбежался и со всего маху ударил Рюрику в ноги; тот хлопнулся плашмя - лицом в пол, а Курымушка сел на него верхом и лупил по щекам: вот тебе, вот тебе!..

- Молодец, свалил Голиафа! - одобрил весь восьмой класс.

Кошечкина цепь. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

В это время звякнул камертон инспектора и запели: "Царю небесный, утешителю душе истины...".

- Иже везде сый! - подхватил Курымушка, стараясь как бы спрятаться от инспектора громким пением.

Но это было напрасно. Как только певчие дотянули: "Твое сохраняя крестом твоим жителство", Обезьян обернулся и сказал:

- Рюриков и Алпатов за драку на молитве отправляются в карцер, - там они могут драться весь день.

Сказав это, Обезьян сам первый засмеялся, а за ним, доставляя ему удовольствие, засмеялась и вся гимназия, и у Зайца по всему лицу пошли мелкие бороздки, будто лицо его было полем, по которому неумелой рукой пахарь накривил Бог знает сколько борозд и огрехов.

Карцер был просто пустой класс. Рюрик и Курымушка сначала сели, как враги, в разные концы. Однако молчание в пустом классе было непереносимо.

- Ты за что меня ударил? - спросил Курымушка.

- Я нечаянно, - ответил Рюрик, - а ты меня за что?

- За то, что ты меня нечаянно.

- Ну, давай мириться.

- Давай!

Враги помирились и сели рядом.

- Ну-ка, посмотри эту штуку, - сказал Рюрик.

И вынул из кармана настоящий шестизарядный револьвер.

Мало того, он сказал, что отец его - офицер и дома у них еще есть три револьвера, четыре охотничьих ружья, три сабли.

Из того же кармана, где был револьвер, Рюрик вынул жареную навагу, очень пострадавшую от падения. Поцелкали револьвером, закусили навагой. Курымушка, достав из ранца любимую свою книгу "Всадник без головы", спросил:

- Не читал?

- Нет, не читал.

- Ну, брат, что теперь с тобой будет!

И зачитал ему.

Прошел и час и два. Читали на переменку и так, будто сами там в Америке, все и переживали, без отрыву на все пять часов, не слышали звонков, не заметили, как Заяц ключ повернул в двери: им бы хоть бы и совсем не выпускали, хоть бы так и всегда жить.

- Знаешь что, - сказал на улице Рюрик, - давай-ка завтра на молитве опять подеремся.

- Рано, - ответил Курымушка, - дня два поучимся, а то выгонят.

- Нас с тобой все равно выгонят.

- Ну?! - удивился Курымушка.

Эта мысль ему еще не приходила в голову, и он про себя решил этим заняться, но сейчас из осторожности сказал:

Кощеева цепь. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

- Все-таки, брат, лучше денька два погодим.

Дома он засел учить географию, задано было нарисовать границы Америки. И вот, когда он рисовал по атласу и заучивал названия, вдруг такие же названия пришли ему из "всадника без головы", и стало представляться, будто он продолжает путешествовать с Майн-Ридом.

Долго он провозился над этим приятным занятием и сам даже не знал, выучил он урок или не выучил.

На другой день, как всегда, очень странный, пришел в класс Козел, весь он был лицом ровно-розовый с торчащими в разные стороны рыжими волосами, глаза маленькие, зеленые и острые, зубы совсем черные и далеко брызгаются слюной, нога всегда заложена за ногу, и кончик нижней ноги дрожит, под ней дрожит кафедра, под кафедрой дрожит половица. Курымушкина парта как раз приходилась на линии этой дрожащей половицы, и очень ему было неприятно всегда вместе с Козлом дрожать весь час.

- Почему он Козел? - спросил Курымушка.

Ахилл ответил:

- Сам видишь почему: козел.

- А географию он, должно быть, знает?

- Ну, еще бы, это самый ученый: у него есть своя книга.

- Про Америку?

- Нет, какая-то о понимании и так, что никто не понимает и говорят, он сумасшедший.

- Правда, какой-то чудной. А что не понимают, мне это нравится, милый Саша, - ты это не замечал, как тебе иногда хочется сказать что-нибудь, и знаешь, ни за что тебя никто не поймет; вот бы хорошо иметь такую книгу для понимания.

Ахилл на это ничего не сказал, верно ему не приходилось страдать болезнью непонимания, а Козел обвел своими зелеными глазками класс пронзительно и как раз встретился с глазами Курымушки, так у него всегда выходило, встретится глазами и тут же непременно вызовет.

Ни имен, ни фамилий он не помнил, ткнет пальцем по глазу и выходи.

Курымушка вышел к доске.

- Нарисовал карту? - спросил Козел.

- Сейчас нарисую, - ответил Курымушка.

Взял мел и в один миг на доске изобразил обе Америки.

Козел очень удивился. А Курымушка отчего-то стал смел: у него из головы не выходило "все равно выгонят". И он это не серьезно, а из озорства стал рассказывать про Америку какую-то смесь Майн-Рида и учебника.

Козел удивлялся все больше и больше, и глаз его стал такой, будто видит свое, а ухо может быть и не слышит. Курымушке отчего-то страшно даже стало, - он остановился, покраснел.

- Ну, ну! - сказал Козел.

Курымушка молчал.

- Ты, брат, молодец.

А Курымушка сильнее покраснел и рассердился на это.

Кошеева цепь. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

- Знаешь, - продолжал Козел, - из тебя что-то выйдет.

Тут и случилось с Курымушкой его обыкновенное: вдруг самая ходячая фраза явится ему в своем первом смысле, а то обычное значение куда-то скроется.

- Как же это из меня выйдет? - спросил он, все гуще и гуще краснея, представляя себе приблизительно, как няня ему говорила, будто у одной барыни в животе развелись лягушки и потом вышли через рот.

- Как же это выйдет? - спросил он, краснея и ширя глаза.

- Через верх, конечно, - ответил Козел, - то каждый день через низ выходит, а то через верх.

- "Не вырвет ли?" - про себя подумал Курымушка и хорошо еще вслух не сказал, а то и так в классе все засмеялись; но Козел, как все, не умел смеяться, у него на лице вместо смеха делалось так, будто он ест что-то очень вкусное, сладкое и облизывается, - это и был его смех.

Козел облизнулся и сказал:

- Вот, вот, выйдет из тебя, и будешь знаменитым путешественником, садись, очень хорошо.

И поставил пять.

- Ну и счастливец, - сказал Ахилл, - в тебя, кажется, Козел втюрился.

- Вот, Саша, - сказал Курымушка, - я тебе говорил насчет понимания, как это трудно взять и понять, по-моему - это у него хорошая книга о понимании, и вовсе он не сумасшедший.

- Кому как, - ответил Ахилл, - тебе вот выпало счастье, тебя он понял, а меня не понимает и все единицы жарит, - одному хорошо, другому плохо, это, брат, тоже непонимание.

ЗАБЫТЫЕ СТРАНЫ.

Занимаясь теперь с большим удовольствием и даже наслаждением картой Америки, Курымушка все раздумывал, что это значит быть знаменитым путешественником. Явилась перед ним какая-то страна еще без имени и без территории; вот там, в этой стране, думал он, и есть настоящая жизнь, а тут у нас жить не стоит, тут - не настоящее.

Он стал догадываться, где находится такая страна, и вспомнились ему голубые бобры, что они в Азии. Не в Азии ли и эта его страна? По карте он стал искать себе путь в Азию и, пока разыскивал, совершенно уверился, что желанная страна без имени и без территории находится в Азии. Путь туда он установил простой: по реке Быстрой Сосне в Дон, из Дона в Азовское море, в Черное и потом уже и начнется Малая Азия, большую часть пути можно совершить даже просто на лодке; и хорошо, если к лодке приделать колесо, как у речных пароходов, и вертеть его с кем-нибудь поочередно; оружие можно достать у Рюрика.

Вот это и значит быть знаменитым путешественником.

В эту ночь Курымушка уснул очень поздно, все рисовал берега Азии, обводил лазурью море Индии и Китая, вырезал из бумаги рельефы гор, окрашивал их коричневой краской. Ему казалось все уже готовым в себе самом, только непременно надо было с кем-нибудь поделиться, и тогда все это будет ясно, как в обыкновенной жизни, только для этого поделиться с кем-нибудь планом надо непременно. И он решил встать и пойти в гимназию как можно пораньше, там сговориться с Рюриком, подраться перед молитвой и в карцере все рассказать. С этим он уснул поздно ночью, и виделась ему одна из золотых березок такая же, как в кладбищенской роще, но только действительно золотая, и чудесно звенит она своими нежными тонкими лепесточками. "Не сон ли это?" думает он во сне и берет себе за пазуху несколько золотых листиков.

- Auf, auf! Пора в гимназию итти! - услышал он над собой голос доброй

Кощеева цепь. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Вильгельмины, – hallo, hallo! – и схватился за пазуху, стал искать там золотые листики, посмотрел на простыню, под подушкой, нигде ничего не было.

– Что ты ищешь, милый мой? – спросила хозяйка.

– Ах, это было во сне, – догадался он.

И потом со страхом подумал, не во сне ли была ему и та удивительная страна без имени и территории.

– Nup nup, и карту нарисовал, – вот это мастер. Wunderschon! – сказала немка, и Курымушка очень обрадовался: неизвестная страна не была сновидением. Одно было плохо, что проспал. Он попал в гимназию, когда уже пели "Сокровище благих и жизни подателю", невозможно было без предупреждения подраться с Рюриком и попасть в карцер. Тогда мелькнул ему другой план, взять и вызваться на уроке географии, а потом вместо Америки показать карту Азии, рассказать путь туда, и, если Козел одобрит, значит, верно, а после на большой перемене можно и с Рюриком подраться, и в карцер попасть. Для первой пробы он показал свою карту в классе, там сразу все задивились и, когда Козел пришел, стали ему показывать: им хотелось оттянуть время и заговорить его.

– Почему ты себе выбрал Азию, а не Америку? – спросил очень удивленный картой учитель.

– Америка открыта, – ответил Курымушка, – а в Азии, мне кажется, много неоткрытого, правда это?

– Нет, в Азии все открыто, – сказал Козел, – но там много забыто, и это надо вновь открывать.

Тогда Курымушка про себя стал вспоминать, когда это он видал сон про забытые страны, и так это его обрадовало, что все исполняется на-яву.

– Нельзя ли начать открывать забытые страны с Малой Азии? – робко спросил Курымушка.

– Можно, только почему же именно с Малой Азии?

– Потому что туда легче всего проехать по реке Быстрой Сосне в Тихий Дон, в Черное море и там прямо и будет Малая Азия.

– Отлично, можно начать с Палестины и, как делали рыцари, поклониться сначала там Гробу Господню.

Козел увлекся, забылся и стал рассказывать о тайнах Азии, что там находится колыбель человеческого рода, исторические ворота, чрез которые проходили все народы. Неузнаваем был Козел, и так выходило из его рассказов, что Гроб Господень и есть как бы могила человечества, а колыбель его где-то в глубине Азии, что все это забыто и нужно все вновь открывать.

– Вот вам пример, – сказал он в похвалу Курымушке, – как нужно учить географию, вы занимайтесь, как он, вообразите себе, будто путешествуете, вам все ново вокруг в неизвестной стране, вы открываете, и будет всегда интересно.

– А почему бы и не поехать? – чуть-чуть не сорвалось с языка у Курымушки, едва-едва он успел удержаться и прикусил язык.

– Садись, – сказал Козел, – я тебе еще пятерку поставлю, очень уж ты хорошо занимаешься.

– Ну, и счастливцев! – приветствовал его на задней скамейке Ахилл.

Не знал только Ахилл, чем был счастлив Курымушка, так был счастлив, что больно становилось, и так непременно нужно было, чтобы и Ахилл был счастливым.

– Почему ты не хочешь быть счастливым? – спросил он.

– Не могу.

- Почему ты не можешь, откройся мне, милый Саша, скажи, ну...
- Ну, я скажу: она меня не любит.
- Вера Соколова?
- Она!
- Ну, вот что я тебе посоветую, если она тебя не любит, тебе нужно уехать в другую страну, поедem с тобой в Азию открывать забытые страны.
- Я бы поехал, но как же уедешь?
- А вот подумаем.

На большой перемене Алпатов, Ахилл и Рюрик сговорились, спрятались в шинелях под вешалками против учительской и, выждав, когда Заяц с Обезьяном по звонку вышли оттуда, бросились и вцепились друг другу в волосы. Конечно, инспектор с надзирателем не могли догадаться, что так начинается экспедиция в забытые страны, и прямо же всех троих заперли в карцер.

Счастливо все шло необыкновенно, было так удивительно Курымушке, что Рюрик и Ахилл сразу все поняли, как только он сказал про экспедицию в Азию через Иерусалим в забытые страны за голубыми бобрами, Рюрик ответил коротко:

- Это можно!

Ахилл еще короче:

- Ну, что ж.

Курымушка даже опешил и спросил:

- А как же оружие, лодка, съестные припасы?
- Оружие, - ответил Рюрик, - у меня есть на всех троих; три ружья, три сабли, три револьвера; у отца я стащу золотые часы, на это дело не грех и стащить, - сегодня же я их продам, куплю лодку, припасы.
- Только надо делать как можно скорее, - сказал Курымушка, - чтоб успеть до замерзания рек пробраться в южные теплые моря.
- Завтра поедem! - сказал Ахилл.

Рюрик остановил:

- Не успеем завтра, послезавтра.
- Я напишу прощальные стихи, - сказал Ахилл.
- Я составлю подробный план путешествия, - вызвался Курымушка.
- Тогда за работу немедленно, - распорядился Рюрик, - ты, Алпатов, черти план, ты, Ахилл, пиши стихи, я буду считать, что взять с собой: послезавтра едем.

КУМ.

Как чудесно бывает, пока что-то заманивает в свою судьбу перейти, в то святое святых, где я сам с собой и, значит, весь мир со мной. Но сколько людей останавливаются в страхе у порога своей судьбы, у росстани, где все три пути заказаны. Тут, у росстани, впереди хоть и остается приманка, а уже дает себя знать за спиной котомка своей судьбы. Это сразу почувствовал Курымушка, едва только состоялось неизменное решение ехать открывать забытые страны. Начались заботы, и открылся чей-то голос, неизменно день и ночь в глубине души повторяющий: "не надо, не надо, нельзя, так не бывает, этого никто не делает".

Так одному, а другой, как Сережа Астахов, со своими прекрасными бархатными

Кошеева цепь. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru глазами в длинных черных ресницах, ждет и мечтает, что своя судьба тихим гостем придет и ласково, как невесту, поведет его к своему алтарю. Вот тоже и Сережа Астахов – чем не путешественник в забытые страны? – он знает время прилета и отлета каждой птички, знает, куда они, прилетев, деваются, как живут, где можно разыскать их гнездышко; облюбовал себе в полях и лесах все цветки и хворостинки, – ему ли не ехать! А вот и в голову никому не пришло предложить ему путешествие и, напротив, избрали его хранителем тайн: он передаст письмо Вере Соколовой, он обойдет дома путешественников и скажет хозяевам, что их заперли в карцер на двадцать четыре часа и они бы о них не тревожились. Стоило бы Сереже сказать: – "я с вами!" – и он тоже бы поехал в Азию за голубыми бобрами. Но Сережа проплакал всю ночь и сказать не решился, и так по своей застенчивости пропустил случай еще в детстве заглянуть в лицо своей судьбы. В назначенный час, перед уроками, Сережа спустился к реке, перешел деревянный на бочках лежащий мост, от него завернул по берегу влево и тут увидел, как путешественники уже сдвигали с берега лодку. Какой-то мещанин в синей поддевке полюбопытствовал, куда едут ребята на лодке.

– В деревню на мельницу.

– Кто же у вас там на мельнице?

– Тетушка Арина Родионовна.

– Не слышал, есть Капитолина Ивановна, а Родионовны там не слышал.

– Мало ли ты чего не слышал, отстань, не до тебя!

Синий отошел к мосту, перешел на ту сторону и по ступенькам стал взбираться, все оглядываясь, на кручу высокого берега, где стоял-красовался собор. Тут на известной скамеечке, где всегда вечером кто-нибудь сидит и любуется далью, сел теперь в утренний час Синий. Он видел отсюда, как путешественники расцеловались с Сережей, сняли шинели, как блеснули на солнце вынутые из-под шинелей стволы ружей, как серебряное весло стало кудрявить тихую гладь воды, как Сережа тоже поднялся сюда на лавочку, проводил путешественников глазами до поворота реки, где лодка скрылась, всплакнул и пошел. Синий сзади пошел за Сережей.

Возле женской гимназии Сережа умерил шаг и стал прохаживаться взад и вперед. Синий тоже стал прохаживаться по другой стороне улицы. Начали с разных концов показываться маленькие и большие гимназистки. Сережа каждую оглядывал, наконец, увидев одну, похожую на молодую козочку, подошел к ней, передал письмо и направился в мужскую гимназию, за ним вплотную сзади пошел Синий. Сережа вошел в калитку гимназии и, только Синий за ним туда ногу поставил, вдруг с той стороны другой Синий закричал:

– Ивано Паромонов!

Первый Синий обернулся.

– Бежи скорей, свиней резать начали.

Оба Синие сошлись на середине улицы и во весь дух пустились бежать в ту сторону, где начали резать свиней.

Только уже когда в городе появились объявления о трех сбежавших гимназистах, Синий явился в гимназию и дал свои показания. Прикатил в гимназию на шарабане становой Крупкин, за ним следовала телега с двумя полицейскими. Хорош и могуч был в гимназии знаменитый истребитель конокрадов, багрово-синий и весь наспиртованный. Гимназисты всех классов видели, как Заяц и Обезьян в своих синих виц-мундирах вертелись около громадного грузного человека, будто они были бумажные, долго ему что-то рассказывали и просили ни в каком случае не применять оружия.

Услышав про оружие от бумажных людей, становой сказал:

– Едрена муха!

И не обращая больше на них никакого внимания, вышел из гимназии, сел в тележку и покатыл. За ним покатылась телега с полицейскими.

- В Азию поехали! - сказали гимназисты.

От Веры Соколовой уже в двух гимназиях было известно и шопотом передавалось из уст в уста, что поехали именно в Азию.

- Как бы не вернули в гимназию?

- Ну, уж, брат, нет, - вспыхнул какой-то горячий гимназист, - теперь уже их не догонят.

Мало того, гимназисты - синие прасолы сошлись опять и обсуждали дело серьезно.

- Конечно, - говорили один, - Крупкин ловкач, да ведь мальчишки тоже отчаянные.

- Опять у них вода, - говорил другой, - река быстрая и сама несет лодку, а ему нужно погонять и погонять.

Весь город ожил. Спросись вперед у любого, каждый бы рассмеялся над путешествием в Азию, ну, а как уж уехали, так стало многим казаться, что хорошо, и отчего бы им и не доехать до Азии. Все спящие на ноги стали и с радостью передавали друг другу: три бесстрашных гимназиста уехали от проклятой латыни в Азию открывать забытые страны.

Как раз в эти золотые светлые сентябрьские дни, на воле, о которой столько пишут и мечтают на лавочках, глядя в синюю даль, на этой настоящей воле был осенний перелет птиц с севера на юг над реками быстрой Сосной и тихим Доном через теплые моря на берега Малой Азии. Курлыкали журавли и, расстраивая свои треугольники, спускались отдыхать на низком берегу Сосны. Гуси строгами кораблями торжественно летели, отрывисто переговариваясь; они ночевали вместе с утками на воде, выставляя на всем берегу сторожей. Лебеди совсем не отдыхали и летели так высоко, что только по серебру их груди в чистом воздухе и по каким-то гармоническим, особенным ладам можно было догадаться о них. Белые рыболовы, чайки разных пород еще не трогались и вились на своих гнутых крыльях у самой воды.

Этого наш Курымушка еще никогда не видал и не мог видеть, это можно почувствовать всей душой, только если сам сжег за собой корабли и сам вступил в этот птичий путь, исполненный всякого риска, всяких опасностей. Тогда уже знаешь наверное, что и они там в воздухе не просто кричат, а так же, как мы, разговаривают. Хорошо было, что Рюрик с пяти лет был на охоте со своим отцом, все это знал и умел все объяснить, скажет: "лебедь!" и Курымушка на всю жизнь от одного слова знает, как летят лебеди и что это значит, скажет: "гуси!" и вот что-то очень серьезное, строгое залегает в душу от гусяного полета. Какие-то маленькие пичужки, серебрясь, попискивая штук сорок зараз, как стая стрел просвистят; подумать только: завтра они перехватят Черное море! Хорошо на минутку выйти из лодки, выглянуть из-под кручи берега в поле и хоть, не подкрасться, где тут подкрасться в открытом безлесном поле! - а просто посмотреть, как без людей хозяевами в полях ходят на длинных ногах журавли. Раз так видели дроф и даже пустили в них пулю из штуцера: столбом взвилась пыль от удара пули о землю, дрофы разбежались, тяжело полетели, встретились в воздухе с цаплями, не понравилось вместе и разлетелись в разные стороны: цапли к реке, дрофы в степь. Страшно было в первый раз выстрелить из настоящего ружья, но виду Курымушка не подал, туго прижал лодку к плечу, выстрелил, но промахнулся. В другой раз Рюрик ему крикнул во-время: "мушку, мушку!". Он мушку навел, и летящая чайка упала; ее с радостью присоединили к мясному запасу в корме. И так весь день прошел, и куда это лучше было, чем самые мечты о забытой стране: это Курымушке надолго осталось, что мысль про себя не обман, как все говорят, а и вестник прекрасного мира.

Под вечер странно стали смыкаться впереди берега, кажется, кончилась река, вот, вот лодка в берег уткнется, а смотришь - опять берега широко расступаются, проехали и опять смыкаются, будто хотят лодку взять в плен. Позднее все стало как будто ловить лодку, тростники, кусты, деревья, но она все шла и шла по течению, и только это казалось, будто лодка стоит и вокруг все идет и ее окружает.

В темноте ночью еще больше, чем днем, несметною силой шел перелет: прямо над самыми головами со свистом проносились чирки, кулики разных пород, тяжело шли кряквы и часто шлепались в воду на отдых. Дикае гуси возле самой лодки иногда спускались всем кораблем, кричали, хлопали крыльями так близко, что брызги летели в лицо. Как хорошо было все это слушать, притаив дыхание в надежде, что глаз каким-нибудь чудом в темноте рассмотрит и можно будет пальнуть из ружья.

Но холод осенней ночи пробирал все больше и больше, и особенно плохо было ногам в сырой, чуть-чуть подтекающей лодке. Попробовали саблями нарубить тростнику, сложили его на дно лодки, легли, но сырость и холод помешали. Если бы на берегу костер развести, но условились в первую ночь не разводить огня и не выходить на берег, догадываясь, что Крупкин будет ловить, и так он по огню сцапает, что и за ружье не успеешь схватиться это нельзя. И что это: сон, бред или явь? Слышно Курымушке самому себе, как сопит, и как зубы вдруг будто сорвутся и начнут сами так яро стучать друг о друга, а на берегу все время без перерыву где-то по самому близкому соседству дикае утки между собой переговариваются, и, что делает этот полусон! – понятен бывает их разговор. Одна говорит: "пересядь сюда, нам будет теплее", другая: – "убирайся с моего места, я тебя не просила, вот еще!". И так у них всю ночь, то кто-нибудь недоволен, а то вдруг лисицу или хорька почуют и сразу все заорут так, что и мертвый проснется. Много разных снов таких ярких видится, что вот хоть рукой ухвати. Так увидал себя Курымушка на теплой чистой постели, и голова его лежит на пуховой подушке в белой наволочке; вот это настоящее было видение и открытие, – никогда в жизни ему не казалось, что так хороша может быть обыкновенная подушка, какая бывает у всех, на каких теперь все-все люди спят в городах и в деревнях, в богатых домах и в бедных.

Ужасный утиный крик перебил его сон, он проснулся, понял, где он, но подушка так и осталась неотступным видением. В эту самую минуту слышит он у самого своего уха шопот Ахилла:

– Отпустите меня!

– Куда? – хотел спросить Курымушка, но вместо звука вылетел с яростью треск зубов челюсть о челюсть.

– И у тебя зубы трещат, – сказал Ахилл, – ты их рукой придержи, как я.

Курымушка попробовал, и, правда, вышли слова:

– Куда тебя отпустить?

– Я по бережку тихонько пойду, согреюсь как-нибудь и дойду.

– Куда ты дойдешь?

– Домой.

– До-мой! ах, ты...

Не то было главное обидно, что вернуться задумал, а что мог себе представить, будто это так близко, что вернуться можно. Курымушке было, будто он уж и в Азию приехал.

– Баба, баба! – повторил он со злостью.

– От бабы бежал и к бабе тянет его, – сказал Рюрик.

– Ну, не буду, ребятушки, не буду, – спохватился Ахилл и, отпустив челюсть, затрещал зубами, будто фунтами орехи посыпались.

– Ишь, сыпет, ишь, сыпет! – засмеялись товарищи.

А Курымушке скоро опять подушка привиделась, и он стал с этим бороться, но только напрасно, – чем больше он ее отвергал, тем ярче она вновь показывалась, небольшая подушка, такая же чудесная, как на подушке чудесной снилась когда-то страна голубых бобров. Но вот между утками и гусями пошли совсем какие-то иные разговоры.

- Ты знаешь, о чем они сейчас говорят? – спросил Рюрик.
- Не знаю, а что-то случилось; и по всему берегу одно и то же.
- Это значит, скоро рассвет.
- А как будто еще темнее стало: звезд не видно.
- Всегда перед самым рассветом темнеет, и звезды скрываются: меркнет. Я много с отцом ночевал на утиных охотах: всегда меркнет.

Правда, скоро стало белеть. Теперь не страшно и костер развести. Вот вспыхнуло на берегу маленькое пламя, на востоке начался огромный пожар и потом, когда солнце взошло, как добродушно оно встретило это маленькое человеческое пламя и как вкусен был чай с колбасой и какая радостная сила от солнца вливалась в жилы: этой силой опять все живое поднималось и летело на юг в теплый край.

- Гуси, гуси летят!
- А там смотри, что там?
- Тоже гуси.
- И там?
- И там гуси.
- Ложись на землю, готовь ружье, кряквы летят.
- Стреляй!

Одна шлепнулась, другая подумала, споткнулась и тоже упала.

- А ты, дурак, хотел к бабам итти!
- Дурак я, дурак!

На охоте всегда так: нужно одну только удачу в начале и потом пойдет на весь день, будто каждая новая минута готовит новый подарок. Так прошел этот прекрасный день, и ночь прошла у костра в тепле на сухом тростнике. И еще прошел день и еще одна утиная ночь. В полдень третьего дня путешественники услышали далеко на берегу колокольчики.

- Не становой ли нас догоняет? – спросил Курымушка.
- Очень просто, – ответил Рюрик, – вот сейчас я это узнаю, он нам кум, кроме шуток, с отцом ребят крестил, приятель отцу: кум.

Было там на берегу высокое дерево. Рюрик вышел на берег, взобрался на самый верх.

- Ну что, видно?
- Видно, едет шарабан.
- Становой?
- Не знаю, не разберу.
- Скорее же разбирай, ну?
- Разобрал: становой!

И так он это спокойно сказал, будто в самом деле он своего кума встречает.

- Скорей же слезай!

Кошеева цепь. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

- Подожди: за ним в телеге два полицейских.

- Слезай же, слезай, это за нами!

Но Рюрик слезал не так, как хотелось Курымушке, и Ахилл равнодушно смотрел.

Курымушка вспыхнул от злости, но вдруг ему пришла одна мысль.

- Он нас не поймает, - сказал Курымушка, весь просияв, - слушайте только меня, вытаскивай живо лодку на берег.

- Как вытаскивать, что ты, удирать надо.

- Вы-тас-ки-вай!

Послушались, вытащили на берег лодку.

- Перевертывай вверх дном.

Тут все и поняли: под лодкой пересидеть станового.

Выбили живо лавочки, нос пришелся как раз в ямку из-под камня и лодка плотно закрыла путешественников.

Колокольчики все приближались. Вот, если бы мимо промчался, но нет колокольчики затихли, и ГОЛОС послышался:

- Едрена муха! зачем тут лодка на берегу? Стой-ка, я посмотрю.

Подъехали полицейские.

- Это их лодка! - сказал становой. - Только где же они сами?

- В деревне, ваше благородие, - сказал полицейский, - они там наверно заночевали, отдыхают, как-никак, а ночи зябкие.

- Ну, вы поезжайте в деревню, а я вот здесь вас подожду и закушу. Еремей, привяжи коня к дереву; Кузька, подай сюда из шарабана кулек.

Полицейские уехали. Становой вытащил из кулька четверть с водкой, поставил на дно лодки и подумал, удивился: - "Ночью дождя не было, а лодка мокрая".

- Вот едрена муха! - сказал он.

Выпил чайный стакан, закусил, посмотрел следы на траве, как они все выходят от воды и уходят под лодку...

- Те-те-те, - проговорил он, широко и добро улыбаясь, - вот так изюминка!

И запел почему-то:

Чижик, чижик, где ты был?

На фонтанке водку пил...

Выпил стаканчик, выпил другой и вдруг заплясал, припевая:

Выпил рюмку, выпил две

Зашумело в голове.

- Молодцы, - сказал он вслух, - взяли себе да и поохотились, самое время, осень, перелет: вот как найду их, так им дня три еще дам пострелять.

- Слышишь? - шепнул Рюрик Курымушке, - надо бы сдаваться.

- Да, надо бы, - шепнул и Ахилл.

Кошеева цепь. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
В ответ Курымушка ткнул кулаком в нос сначала одному, потом и другому.

- Вот как поймаю, - продолжал становой, - прежде всего им водочки, ветчинки, чайку с французской булкой, а потом с ними на лодке дня на три зальюсь, будто их все ловил: отпуск себе устрою. А то и неделю промотаемся, надоели мне эти черти-конокрады.

Рюрик тихонечко пальцем тронул Курымушку, а тот ткнул его в бок кулаком.

С каждой минутой все ненавистней и ненавистней становились Курымушке его товарищи: превратить всю экспедицию в охоту, вернуться с позором в гимназию? - нет, если они сдадутся, он один убежит, он так не вернется.

А полицейские катили обратно.

- Вы умные люди, - сказал становой, - хорошо сделали.

- Точно так, - отвечали полицейские.

- И порядочные дураки.

- Точно так, ваше благородие.

- Вот что, умные дураки, постелите-ка все это вон там на траве, костер разведите, чайник согрейте, - так! Живо! Теперь нужно гостей звать.

- Слушаем.

- Куда же вы пойдете?

- Не можем знать, ваше благородие.

- Ну, так я вам скажу: лодку эту поставьте на воду и поезжайте гостей звать.

- Слушаем! - сказали полицейские, - и, взяв лодку за край, повернули на бок.

- Чижик, чижик, где ты был? Пожалуйте, гости дорогие. А, и кум тут! Ну, давай поцелуемся.

Становой с Рюриком обнялись, но Курымушка, пока они целовались, схватил ружье, отбежал к дереву и стал за него, как за баррикадой.

Ахилл как осклабился, так и остался с такою же глупою рожей стоять.

Не обращая никакого внимания на Курымушку, такого маленького, Кум угостил вином Рюрика и Ахилла и, увидев четырех убитых крякв, так и ахнул.

- Да мы тут сейчас пир на весь мир устроим: ведь они теперь осенью жирные.

И велел четыре ямки копать; в эти ямки прямо в перьях уложили уток, засыпали горячей золой, костер над ними развели.

- А еще бы хорошо осеннего дупеля убить, да его бы во французскую булку сырого, а булку тоже бы в ямку, пока она вся жиром его пропитается. Ну, вот закусим, такая закусочка - едрена муха, скажу я вам... ну, вы чего дремлете, ребята здоровые, вам еще по стакану под ветчину, а потом и под утки начнем.

Выпили еще по стакану.

- Меня самого из шестого класса выгнали; эх, было время! вот было время: *Gaudeamus* знаете?

- Ну, как же!

И запели:

Gaudeamus igitur

Кошечья цепь. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Juvenes dum sumus...

А Курымушка так и стоял, все стоял за деревом, ожидая на себя нападения; первым выстрелом он думал убить станowego, вторым полицейского, затем броситься вперед, схватить второе ружье, другого полицейского взять в плен и на этих лошадях продолжать путешествие.

Так он думал в начале, а кумовство у костра все разгоралось, товарищи его покидали; они, пожалуй, пойдут за Кумом.

Знал ли Кум его мысли? Верно знал: он лежал на полушубке брюхом вниз и сам пел *Gaudeamus*, а сам все смотрел на воду, будто чего-то ждал и ждал, потом вдруг крикнул Курымушке:

- Не зевай, не зевай!

А у воды совсем низко, будто катились-летели два чирка и прямо на Курымушку.

- Не зевай, - крикнул Кум, - так-так-так-вот-вот-вот... стре-ляй!

Курымушка выстрелил раз - промахнулся, два - чирок свалился в воду у самого берега. Сразу бросился и Курымушка и Кум к утке, у Курымушки руки не хватало достать, а Кум дотянулся и, подавая ему утку, сказал:

- Молодец, азиат!

Обнял его вокруг шеи правой рукой и, повторяя "молодец азиат", усадил его возле костра на полушубок.

- Ну, ребята, - сказал он, - кажется, ужин поспел, давайте-ка под утку, я сам гимназист, да из шестого класса.

Gaudeamus igitur

Juvenes dum sumus.

Все выпили, Курымушка тоже первый раз в своей жизни хватил и прямо целый стакан.

- Молодец, азиат! - похвалил становой.

Тогда мало-по-малу Курымушке стала показываться та желанная теплая подушка в белой наволочке; еще он сопротивлялся; отталкивал ее, а она все наседала, наседала.

- Нет, нет! - крикнул он.

- Добирай, добирай! - кричал Рюрик, - мы без тебя сколько выпили, добирай!

Курымушка выпил еще, и подушка, огромная, белая, теплая, - сама легла ему под голову.

Хор пел:

Наша жизнь коротка

Все уносит с собой,

Наша юность, друзья,

Пронесется стрелой...

Только под вечер Курымушка проснулся и услышал голос Рюрика:

- Куда же ты, Кум, нас пьяных теперь повезешь?

- Ко мне на квартиру: мы там еще под икру дернем и спать, а утром вы по домам, и будто вы сами пришли и раскаялись.

ЛОБАН.

Вот если бы знать в свои ранние годы, когда встречаешься: с первой волной своей судьбы, что та же волна еще придет, – тогда совсем бы иначе с ней расставался, а в том и беда: кажется, навеки ушла и никогда не воротится. Старшие с улыбкой смотрят на детские приключения, им хорошо, они свое пережили, а для самих детей все является, как неповторимое. Долго не мог взять себе это в ум Курымушка, почему так издевались над ним в гимназии, как за зверем ходили и твердили: "поехал в Азию, приехал в гимназию". Разве нет забытых стран на свете, разве плана его не одобрил сам учитель географии, и если была его одна ошибка в выборе товарищей, то ведь от этого не исчезают забытые страны, их можно открывать иначе, – в чем же тут дело? – "Уж не дурак ли я?" – подумал он. И стал эту мысль носить в себе, как болезнь. Пробовал победить сам себя усердием, стал зубрить уроки, ничего не выходило: Коровья Смерть как заладил единицу, так она и шла безотрывно. Смутно было в душе, что если бы что-то не мешало, то мог бы учиться как все и даже много лучше. Однажды Коровья Смерть задал такую задачу, что все так и сели над ней, все первые математики были спрошены, никто не мог решить. Вдруг Курымушке показалось, будто он спит – не спит и ему просто видится решение отдельно от себя; попробовал это видимое записать, и как раз выходил ответ. Всю руку поднять он не посмел, а только немножко ладонь выставил, и то она дрожала. Соседи крикнули:

– Алпатов вызывается!

– Ну, выходи, – сказал Коровья Смерть, – опять какую-нибудь глупость сморозишь, – это тебе не Азия!

Курымушка вышел и стал писать мелом на доске по своему видению.

– Как же это ты так? – изумился учитель, – откуда ты взял это решение.

– Из головы, – ответил Курымушка очень конфузливо, – мне так показалось, это не верно?

– Вполне верно, только ведь как же ты мог?

И к великому изумлению всего класса сразу после единицы поставил три и не простое, а как воскресение из коровьей смерти, на весь год. После этого случая он стал усердней учить уроки, но так всего было много, что от силы было все выучить только на три. Как учатся иные всегда ровно на четыре и даже на пять, понять он не мог. Тупо день проходил за днем и год за годом: глубоко где-то в душе, как засыпанная пеплом страна лежала, дремала, и вот, – когда у Алпатова стали виться кольцами русые волосы и чуть-чуть наметились усики даже, когда почти все ученики стали мечтать о танцах и женской гимназии и писать влюбленные стихи Вере Соколовой, в начале четвертого класса, – будто из-под пепла вулкан вырвался и опять пошло все кувырком.

Мысль, что он дурак, все-таки не оставляла Курымушку и втайне его очень даже точила: он не верил себе, что может окончить гимназию, так это было трудно и скучно, предчувствие постоянно говорило, что это все оборвется каким-то ужасным образом. На своих первых учеников он не смотрел с завистью, они просто учились и больше ничего, но настоящие умные были в старших классах, и многим им он очень завидовал. Эти умные ходили – держались как-то совершенно уверенно, им было и наплевать на гимназию и в то же время они знали, что кончат ее и непременно будут студентами; это были настоящие умные, таких в классе его не было ни одного. Против его, четвертого класса был физический кабинет, в нем были удивительные машины, и там восьмиклассники занимались, настоящие умные ученики, и среди них Несговоров был первый, к нему все относились особенно. Раз Курымушка засмотрелся в физический кабинет, и Несговоров, заметив особенное выражение его лица, спросил:

– Тебе что, Купидоша?

Каким-то Купидошей назвал.

Робко сказал Курымушка, что хотелось бы ему тоже видеть машины.

Несговоров ему кое-что показал.

- Перейдешь в пятый класс, - сказал он, - там будет физика, все и узнаешь.
- А сейчас разве я не пойму?
- Отчего же, вот тебе физика, попробуй.

Дома Курымушка нашел себе в книге одно интересное место про электрический звонок, стал читать, рисовать звонки, катушки. На другой день случилось ему на базаре увидеть поломанный звонок, стал копить деньги от завтраков, купил, разобрал, сложил, достал углей, цинку, банку и раз какое счастье это было! - соединил проволоки - звонок задергался; подвинтил - затрещал, еще подвинтил, подогнул ударник - он и зазвенел. Через два месяца у него была уже своя электрическая машина, сделанная из бутылок, была спираль Румкорфа; в физическом кабинете Несговоров показал ему все машины и при опытах он там постоянно присутствовал. Как-то раз он сидел у вешалок с одним восьмиклассником и объяснял большому устройство динамо-машины. Несговоров подошел и сказал:

- Вот Купидоша у себя в классе из последних, а нас учит физике, - почему это так?

- Да разве нас учат? - вздохнул ученик и запел: "так жизнь молодая проходит бесследно". Несговоров то же запел какую-то очень красивую французскую песенку.

Тогда ябедник Заяц показался в конце коридора. Несговоров перестал петь.

- Спой, пожалуйста, еще, - попросил Курымушка, - мне это очень нравится.
- Нельзя, Заяц идет: это песня запрещенная.

Так и сказал: за-пре-щен-на-я. С этого и началось. Мысль о запрещенной песенке навела Курымушку, взять как-нибудь и открыться во всем Несговорову. Но как это сделать? Он понимал, что открываться нужно по частям, вот как с физикой, захотелось открыться в интересе к машинам, сказал, его поняли, а что теперь хотелось Курымушке, то было совсем другое: сразу во всем чтобы его поняли и он бы сразу все понял и стал, как все умные. Ему казалось, что есть какая-то большая тайна, известная только учителям, ее они хранят от всех, и служат вроде как бы Богу. А то почему бы они, такие уродливые, держали все в своих руках и их слушались и даже боялись умные восьмиклассники? Просто понять, - они служили Богу, но около этого у восьмиклассников и было как раз то, отчего они и умные: им известно что-то запрещенное, - и вот это понять - сразу станешь и умным. Каждый день с немим вопросом смотрел Курымушка во время большой перемены на Несговорова, и вопрос его вот-вот был готов сорваться, но, почти что разинув рот для вопроса, он густо краснел и отходил. Мучительно думалось каждый день и каждую ночь, как спросить, чтобы Несговоров понял.

- Чего ты смотришь на меня так странно, Купидоша? - спросил однажды Несговоров, - не нужно ли тебе чего-нибудь от меня, я с удовольствием.

Тогда желанный вопрос вдруг нашелся в самой простой форме, Купидоша сказал:

- Я бы желал прочесть такую книгу, чтобы мне открылись все тайны.
- Какие-такие тайны?
- Всякие-развсякие, что от нас скрывают учителя.
- У них тайн никаких нет.
- Нет? А Бог, ведь они Богу служат?
- Как Богу?
- Ну, а из-за чего же и они и мы переносим такую ужасную скуку и родители наши расходуются на нас: для чего-нибудь все это делается?

- Вот что, брат, - сказал Несговоров, - физику ты вот сразу понял, попробуй-ка ты одолеть Бокля, возьми-ка почитай, я тебе завтра принесу, только никому не

Кошеева цепь. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru показывай, и это у нас считается запрещенной книгой.

- За-пре-ще-нной!

- Ну, да что тут такого, тебе это уже надо знать, существует целая подпольная жизнь.

- Под-поль-на-я!

По этой своей врожденной привычке вдруг из одного слова создавать себе целый мир, Курымушка вообразил сразу себе какую-то жизнь под полом, наподобие крыс и мышей, страшную, таинственную жизнь и как раз это именно было то, чего просила его душа.

- Та песенка, - спросил он, - тоже подпольная?

- Какая?

- Мотив ее такой: тра-та-та-там...

- Тише! это марсельеза, конечно, подпольная...

- Вот бы мне слова...

- Хорошо, завтра я тебе напишу марсельезу и принесу вместе с Боклем. Только, смотри, начинаешь заниматься подпольной жизнью, - нужна конспирация.

- Кон-спи-ра-ци-я!

- Это значит держать язык за зубами, запрещенные книги, листки, все прятать так, чтобы и мышь не знала о них. Понял?

- Понял очень хорошо, я всегда был такой...

- Конспиративный? Очень хорошо, да я это и знаю: не шутка начать экспедицию в Азию в десять лет.

- Еще я спрошу тебя об одном, - сказал Курымушка, - почему ты называешь меня Купидошей?

- Купидошей почему? - улыбнулся Несговоров, - у тебя волосы кольцами, даже противно смотреть, будто ты их завиваешь, как на картинке, и весь ты скорее танцор какой-то, тебе бы за барышнями ухаживать.

Курымушка, посмотрел на Несговорова, и до того ему показались в эту минуту красивыми его живые, умные, всегда смеющиеся глаза и над ними лоб высокий с какими-то шишками, рубцами, волосы торчащие мочалкой во все стороны, заплатанные штаны, с бахромой внизу и подметки, привязанные веревкой к башмаку, - все, все было очаровательно. Всех учеников за малейшую неисправность костюма одергивали, даже в карцер сажали, а Несговорову попробовал раз директор сделать о подметках замечание.

- Уважаемый господин директор, - сказал Несговоров, - вам известно, что на моих руках семья, и у сестер и братьев моих подметки крепкие; вот когда у них будет плохо, а у меня хорошо, то очень прошу вас сделать мне замечание.

- Вам бы надо хлопотать о стипендии, - робко заметил директор.

- Обойдусь уроками, - ответил Несговоров, - к Пасхе у меня будут новые подметки, даю вам слово.

Как это понравилось тогда Курымушке!

- Знаешь, - сказал он теперь, - я сегодня же остригу волосы свои под машинку, с этого начну.

- И очень хорошо: у тебя есть серьезные запросы.

Кошеева цепь. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Не так запрещенная книга и марсельеза, а вот совершенно новый мир, открытый этим разговором – ведь только звонок на урок оборвал разговор, а то бы можно и все узнать у Несговорова, всю подпольную и нелегальную жизнь вплоть до Бога – вот это открылось, вот чем был счастлив Курымушка.

"Начать, значит, с того, – думал он на уроке, – чтобы наголо остричься, это первое; во-вторых, хорошо бы дать теперь же зарок на всю жизнь не пить вина... Правда, вина он и так не пил, но хотелось до смерти в чем-нибудь обещаться и не делать всю жизнь. Вот и вино, если обещаться не пить, то уж надо не пить ни капельки; а как же во время причастия пьют вино, – правда, это кровь, но потом за-пи-ва-ют вином... Как это? Надо завтра спросить Несговорова, он все знает и все теперь можно спросить".

Быстро проходил урок географии, ни одного слова не слышал Курымушка из объяснений Козла, и вдруг тот его вызвал.

– Чего ты сегодня смотришь таким именинником? – спросил Козел.

Но что можно было снести от Несговорова, то нельзя было принять от Козла: "смотреть именинником" было похоже на "Купидошу".

– А вам-то какое дело? – сказал он Козлу.

– Мне до вас до всех дело, – ответил Козел: – я учитель.

– Учитель, ну так и спрашивайте дело, – зачем вам мои именины?

– Хорошо: повтори, что я сейчас объяснил.

Курымушка ничего не мог повторить, но очень небрежно, вызываясь сложил крестиком ноги и обе руки держал фертном, пропустив концы пальцев через ремень.

Тогда Козел своим страшным, пронзительным зеленым глазом посмотрел и что-то увидел.

Этим глазом Козел видел все.

– Ты был такой интересный мальчик, когда собирался уехать в Азию, прошло четыре года и теперь ты весь ломаешься: какой-то танцор!

То же сказал Несговоров – и ничего было, а Козел сказал, так всего передернуло, чуть-чуть не сорвалось с языка: – "Козел!", но, сначала вспыхнув, он удержался и потом побледнел, наконец и с этим справился и сделал губами совершенно такую же улыбку, как это делал Коровья Смерть, когда хотел выразить ученику свое величайшее презрение словом: "есть мать?" и потом – "несчастливая мать!".

– Где ты научился такие противные рожи строить?

– В гимназии.

– Пошел на место, ломака, из тебя ничего не выйдет.

С каким счастьем когда-то Курымушка от того же Козла услышал, что из него что-то выйдет, а теперь ему было все равно: он уже почти знал о себе, уже начало что-то выходить, и уже не Козлу об этом судить.

Пока так он препирался у доски с учителем, на парту его Коля Соколов, брат известной всей гимназии Веры Соколовой, положил записку. Письмецо было очень коротенькое с одним только вопросом: – "Алпатов, согласны ли вы со мной познакомиться? Вера Соколова". Получить бы такое письмецо вчера, – какие бы мечты загорелись, ведь почти у каждого есть такая мечта, выше этого некуда итти, как познакомиться с Верой Соколовой да еще по ее выбору! С каким бы трепетом вчера он написал в отдельном письме, что согласен, и просил бы назначить свидание. Но сегодня против этого, совсем даже поперек, лежало решение остричь наголо волосы и всю жизнь не пить вина; выходило или то, или другое, а остричься и познакомиться с Верой Соколовой было невозможно. – "Может быть, не стричься"? – подумал он и ясно себе представил, будто он с Верой Соколовой катается на катке под руку и шепчет ей что-то смешное, она закрывается муфтой от смеха и...

Кошеева цепь. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
- "Нет, - говорит, - нет, не могу, я упаду от смеха, сядемте на лавочку".
Садятся на лавочку под деревом, а лед зимний прозрачный колышется, тает, и волны теплые несут лодочку. Кто-то загадывает ему загадку: плывет лодочка, в ней три пассажира, кого оставить на берегу, кого выбросить, а кого взять с собой, - Веру Соколову беру! - отвечает он и плывет с ней вдвоем; а навстречу плывет Несговоров с Боклем в руке, поет марсельезу, посмотрел на Курымушку, и не как Козел с презрением, или с укоризной, ничего не сказал, ничего не показал на лице, все скрыл, но все понял Курымушка, как в душе больно стало этому прекрасному человеку.

Звонок последнего урока вывел Курымушку из колебания, он твердым почерком написал поперек письма, как резолюцию: "не согласен", передал письмо Коле Соколову и пошел из гимназии прямо в парикмахерскую.

- Nun, nun... wa-as ist's, o du lieber Gott! - встретила его добрая Вильгельмина, - такие были прекрасные русые волосы, и вот вдруг упал с лестницы: von der Treppe gefallen!

Курымушка посмотрел на себя в зеркало и с радостью увидел, что лоб у него такой же громадный, как у Несговорова, и тоже есть выступы и рубцы.

А прислуга Дуняша, как увидела безволосого, так и руками всплеснула:

- лобан и лобан!

ПОДПОЛЬНАЯ ЖИЗНЬ.

Бывало, бросишь камень в тихое озеро - он на дно, а круги идут далеко, глазом не увидишь, и только по догадке знаешь, что катиться им по всей воде до конца. Так брошена была когда-то и где-то одна мысль, как камень, и пошли круги по всему человечеству и докатились до нашего мальчика.

Мысль эта была: законы природы.

То был закон божий, а то просто закон. В том законе нужно было только слушаться, в этом узнавать, и когда узнал и стал жить по закону, то слушаться больше никого не нужно: это знание и дело.

День и ночь мальчик Бокля читает, много совсем ему непонятного было вначале, но когда ключ был найден, этот новый закон, то очень интересно было перечитывать и все подводить под него.

В том законе, которому учат в гимназии, есть какое-то "вдруг!", все учителя очень любят это слово: ... - "и вдруг!" или... "а вдруг!", бывает даже: "вдруг - вдруг!". Каждый из учеников ходит в класс и учится, как машина, от часу до часу, но всегда ожидает над собой, или под собой или возле себя это: "...вдруг!". Надзиратель Заяц постоянно под страхом... "и вдруг" оглядывается, прислушивается, лукавится. Козел, самый умный, и то бывает, ни с того, ни с сего, мелко-мелко перекрестится, и Алпатов узнает в этих крестиках свое детское в саду, в полях, когда, бывало, идет по дорожке... и вдруг начинает из кустов такое показываться, чего отродясь не видал.

А если по новому закону жить, то никаких "вдруг" быть не может, всему есть причины. Так он, читая и думая, потом подобрался и к богу, что он есть тоже причина, но вспомнил о причастии, когда священник говорит: "со страхом Божиим и верою приступите", вот тут-то и может быть больше всего это "вдруг", об этом страшно и думать, и кажется, сюда не подходит новый закон.

Каждую большую перемену Алпатов ходит теперь с Несговоровым из конца в конец, восьмиклассник сверху кладет ему руку на плечо, Алпатов держится за его пояс, и так они каждый день без-умолку разговаривают.

- Последнее - это атом, - говорит Несговоров.

- Но кто же двинул последний атом, - бог?

- Причина.

Кощеева цепь. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

- Какая?

- Икс. А бог зачем тебе?

- Но ведь богу они служат, наши учителя, из-за чего же совершается вся наша гимназическая пытка?

- В бога они верят гораздо меньше, чем мы с тобой.

- Тогда все обман?

- Еще бы!

- Я сам это подозревал, но неужели и Козел не верит?

- Козел очень умный, но он страшный трус и свои мысли закрепощивает, он - мечтатель.

- Что значит мечтатель!

- А вот что: у тебя была мечта уплыть в Азию, ты взял и поплыл, ты не мечтатель, а он будет мечтать об Азии, но никогда в нее не поедет и жить будет совсем по-другому. Я слышал от одного настоящего ученого о нем: "если бы и явилась та забытая страна, о которой он мечтает, так он бы ее возненавидел и стал бы мечтать оттуда о нашей гимназии".

- Но ведь это гадко, - почему же ты говоришь, что он умный.

- Я хочу сказать: он знающий и талантливый.

- А умный, по-моему, - это и честный.

- Еще бы!

После этого разговора стало очень страшно: про это свое, что ему страшно, Алпатов ничего не сказал Несговорову, - как про это скажешь, этот страх еще хуже, чем в лесу бывало: там догадываешься, а тут известно, что это старшие сговорились между собой и обманывают всех, - как тут жить среди обмана?

Раз он идет из гимназии и слышит, говорят два мещанина:

- Смотри!

- Нет, ты смотри!

- Господь тебя покарает!

- А из тебя на том свете чорт пирог испечет.

Сразу блеснула мысль Алпатову, что они считаются маленькими в гимназии и их обманывают богом, а ведь эти мещане тоже маленькие, и мужики, и другие мужики соседней губернии, и так дальше, и еще дальше, - значит их всех, всех обманывают?

- Кто же виноват в этом страшном преступлении? - спросил он себя. Вспомнилось, как в раннем детстве, когда убили царя, говорили, что царь виноват, но где этот царь, как его достанешь?..

- Козел виноват! - сказал он себе.

За Козлом были, конечно, и другие виноваты, но самый близкий, видимый, конечно, Козел-мечтатель.

- Что же делать, как быть дальше? - спросил он себя, входя к себе.

- О, мой милый мальчик, - сказала ему добрая Вильгельмина, - зачем, зачем ты остригся, ты стал теперь такой умный.

Кошеева цепь. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

- Чем же это плохо быть умным?

- Всеу свое время, у тебя были такие красивые каштановые волосы, тебе надо бы танцевать, а ты по ночам книжки читаешь.

И от доброй Вильгельмины Алпатову так показалось: хорошо это время, когда он хотел танцевать, и как хорошо казалось тогда узнать тайны, а вот узнал и что теперь делать? В эту ночь в первый раз он узнал, что такое бессонница, долго повертелся на кровати и только под утро уснул.

- Auf, auf! в гимназию! - звала его Вильгельмина.

А он все лежал и лежал. Какая тут гимназия, разве в гимназии дело? И ему захотелось хоть гадость какую-нибудь, но делать сейчас же, немедленно!.. Вспомнилось, как в саду его братья выстраивались возли бани вместе с деревенскими мальчиками и занимались обыкновенным пороком, - как и он тогда пробовал, но у него ничего не получалось. Теперь он тоже захотел это сделать, но опять ничего не вышло. "Этого даже не умею!" подумал он с досадой, и сильное раздражение явилось, хоть бы кого-нибудь обидеть, но невозможно было сказать дерзость доброй Вильгельмине с двойным подбородком.

- Милый мой мальчик, - говорила она, - отчего ты такой бледный сегодня? О, зачем ты остригся!

Смутно бродил он мыслью в разные страны, как-то ни во что ею не упираясь, будто пахал облака. В гимназию не пошел, а прямо в городской сад, на самую отдаленную лавочку и стал там думать о последней, казалось ему, неизвестной и большой тайне, - вот бы и это узнать. В классе была целая группа учеников, во главе с Калакутским, они между собой всегда говорили про это и знали все. Но это раньше так чуждо было Алпатову, что он их сторонился и даже боялся, - вот бы теперь их расспросить! И так случилось, что путь Калакутского из гимназии домой как раз был через городской сад мимо этой лавочки. Алпатов задержал его и прямо спросил про это.

- Можно, - сказал Калакутский, - только тебе первый раз надо выпить для храбрости.

- Ну, что же, давай напьемся.

- Приходи ко мне в сумерки.

Началось ожидание вечера. Страх не выдержать и осрамиться борол его. "Ничего, - борол он свой страх, - когда напьюсь, страшно не будет". И всю надежду возложил на водку. С тех пор еще, как он бежал в Азию и напился с Кумом, не пил он ни разу, но воспоминание о действии водки было связано с большой белой теплой подушкой и крепким сном - хорошее воспоминание! Водка может совершать чудеса.

Как только смеркалось и стали зажигать фонари, он явился к Калакутскому.

- Ну, пойдём?

- Куда пойдём? - спросил Калакутский.

Алпатов покраснел, стыдясь напомнить. А Калакутский был такой: у него всегда в одно ухо вскочит, в другое выскочит, и что-нибудь делать с ним можно только в тот самый момент, когда в одно ухо вскочило, а из другого еще не выскочило.

- А! - вспомнил он вдруг, - водки не купил, нельзя было, у нас сегодня гости.

- И не пойдём?

- Нет, отчего же, пойдём, - там выпьем, у них есть. У меня там есть приятельница Настя, она тебя живо обработает. Ты не думай, что это из корысти, - они нас, мальчиков, очень любят, только надо теперь же итти, до их гостей, и прямо к ним в комнаты. Неужели ты никогда не пробовал?

- Нет, я думал, нам это нельзя.

Кошеева цепь. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

- Во-от! а я, брат, с десяти лет начал. Как же это ты вздумал?

- Да, так, вижу нет ничего и - вздумал.

- Как нет ничего?

- Учителя обманщики, - сами не верят, а нас учат.

- Неужели это ты только теперь узнал? А я это с десяти лет понимал. Ты знаешь, Заяц-то наш к моей Анютке ходит, она мне все рассказывает, хохочет! - он страшный трус и тоже нашим путем ходит, заборами, пустырями, в одном месте даже в подворотню надо пролезть, ну она и заливаается: ты представляешь себе, как Заяц подлезает в подворотню? А ты думал - они боги. Я тебя Насте поручу, она мальчиков любит. Понравишься, так еще подарит тебе что-нибудь. Ну, пойдём.

"Вся надежда на водку!" - холодея от страха, думал Алпатов.

Шли сначала по улице. Алпатов спросил:

- А Козел тоже ходит?

- Нет, у Козла по другому: он сам с собой.

- Как же это?

Калакутский расхохотался.

- Неужели и этого ты еще не знаешь?

Алпатов догадался и ужасно ему стал противен Козел: нога его значит дрожала от этого.

- Ну, здесь забор надо перелезть, не зацепись за гвоздь, - сказал Калакутский.

Перелезли. Ужасно кричали на крышах коты.

- Скоро весна, - сказал Калакутский, - коты на крышах. Ну, вот только через этот забор перелезем и - в подворотню.

Перелезли, нырнули в подворотню. С другой парадной стороны двора ворота были приоткрыты, и через щель виднелся красный фонарь.

- Запомни теперь для другого раза, - шопотом учил Калакутский, - этот заячий путь нам единственный, а с той калитки, если войдешь, сразу сцапают. Теперь вот в этот флигелек нужно и опять осторожно; чтобы хозяйка из окна не увидала: ведь мы с тобой бесплатные. Боишься?

- Нет, не боюсь!

- Молодец. Постоим немножко в тени: какая-то рожа у окна. Ну, ничего, идем.

В темном коридоре Калакутский нащупал ручку, погремел, шепнул:

- Отвори, Анюта!

- Это ты, Калакуша?

Она только проснулась, сидела на неубранной кровати, в одной рубашке. Алпатову ничего не показалось в ней особенного: просто раздетая женщина и - ничего таинственного, как представлялось.

- Вот этот мальчик, - сказал Калакутский, - его надо просветить.

- Веди к Насте, она их страсть любит.

Пошли дальше по коридору. "Если так, - думал Алпатов, - то не очень и страшно". Но Настя оказалась большая фарфоровая баба с яркими пятнами на щеках.

Кошечья цепь. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

- Поручаю тебе обработать этого кавалера, - сказал Калакутский.

И втолкнул Алпатова в ее комнату.

- Раздевайтесь, - очень ласково сказала Фарфоровая, - пива желаете?

- Водки, - ответил Алпатов.

Она вышла.

Тогда стала ему Фарфоровая, как на первых уроках в гимназии Коровья Смерть: страшно и слабо в себе. - Не убежать ли теперь? - подумал он, но вспомнил, что еще будет водка и после нее все переменится: тоже был страшный Становой, а потом стал милым Кумом.

Она принесла графин с двумя рюмками, на блюдечке было нарезано мясо: закуска.

- Миленочек, ах, какой ты хорошенький; пил ли ты водку когда-нибудь?

- Пил!

И налил две рюмки.

- За ваше здоровье!

Чокнулся и выпил.

И вот странно, обжог себе рот, водка настоящая, а никакой перемены от нее не было.

Налил еще, выпил и - опять ничего, и еще налил и - опять ничего, и еще...

- Миленочек, ты очень уж скоро, так ты совсем опьянеешь.

- Водка на меня не действует, - ответил Алпатов, - мне надо много выпить.

- Вот ты какой!

Она села в кресло, притащила его к себе на колени, обняла.

- Ах, какой ты хорошенький, миленочек, знаешь, я тебе сделаю подарок, - вот.

И дала ему небольшой перочинный перламутровый ножик.

- Подождите, - освободился Алпатов, - я сейчас на двор схожу, мне нужно.

Шинель надел, а пояс забыл. Выпитая водка стала действовать, только в другую сторону, - видно напрасно грешат на этот хлебный напиток. Или, может быть, невидимая, неслышимая, притаенная где-нибудь в уголку души детская прекрасная Марья Маревна оттолкнула от своего мальчика фарфоровую бабу с яркими пятнами. Водка действовала, но в другую сторону: бежать, бежать!

Он спрятался в тени ворот, собираясь перелезть в подворотню, но вдруг ему почудилось, что на той стороне есть кто-то.

- Не Заяц ли это лезет?

Вылез кот и шарахнулся: другой кот бросился на первого, и оба с ужасным криком понеслись на крышу. Две старушки у других ворот разговаривали между собой:

Первая старушка сказала:

- Пост пополам хряпнул!

Вторая ответила:

- Коты на крыши полезли.

Кошеева цепь. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Первая сделала вывод:

- Значит, месяц остался до полой воды.

- Ведь вот как они странно выводят, - подумал Алпатов: - у них причины выходят совсем не так, как у Бокля.

Коты, сцепившись в клубок, лягнулись с крыши прямо ему под ноги и бросились в подворотню. За котом бросился в подворотню Алпатов и на забор, по кустам, до другого забора, по улице.

Добрая Вильгельмина ничего не заметила в дверях, и он прямо пошел в постель, но водка теперь только и начала свое действие, всю ночь ему чудится, будто Заяц его преследует, он в подворотню и Заяц за ним, по пустырям, по заборам, по крышам мчатся они всю ночь, только где-то у собора ему удалось, наконец, обмануть Зайца, с высокой горы он скатился вниз кубарем и там у реки была опрокинутая лодка, под эту лодку нырнул он, а там... что там он увидел! Там сидел Козел и уединенно сам с собой занимался.

- Auf, auf, в гимназию! - звала его Вильгельмина.

С ужасной головной болью он встал и вышел к чаю.

- O, mein Liebes Kind, - воскликнула добрая Вильгельмина, - ты совсем больной, не нужно ходить в гимназию.

Но Алпатов пошел, у него было какое-то смутное решение начать свою жизнь совсем по-другому. Первый урок был как раз география. Вошел Козел, сел, заложил ногу за ногу и задрожал, заходила кафедра, затряслась половица, и через половицу - и парта. Алпатов стал испытывать точь-в-точь такое же невыносимо противное, как от фарфоровой дамы. Своими зелеными глазками учитель стал перекидываться от лица к лицу, Алпатов упорно смотрел и когда встретил, то видел как они зло вспыхнули и остановились, как две кометы - злейшие на всем небе светила. Алпатов опять скривил губы, как Коровья Смерть, и что в тот раз удалось, то и сегодня от этого Козлу стало, будто он яд принял.

- Ты опять рожи строишь? - сказал он.

- А вы опять дрожите, - ответил Алпатов, - мне это неприятно.

Класс притих, как перед грозой.

Козел перестал дрожать ногой и даже как-будто сконфузился, стал шарить глазами в журнале, слепо вызвал кого-то. Только Алпатову нельзя было так оставаться, было начертано совсем не тут, что итти ему в это утро, итти до конца: далеко где-то в других временах и в других странах камень упал, и пошли круги по человечеству и сегодня докатились до этого мальчика. Он поднял руку.

- Что тебе надо?

- Позвольте выйти.

- Не успели начать урок и уже выйти, что с тобой?

Сердце его стучало. Он вспомнил, что Вильгельмина, принимая бром, жаловалась на сердцебиение, и сказал:

- У меня биение сердца.

- Ну, что же, - ответил Козел, - сердце у всех бьется.

В классе засмеялись. Победа была за Козлом. Алпатов сел на свое место.

Жалобно ударил колокол крестопоклонной недели, в церкви пели: "Кресту твоему поклоняемся, владыко", при этом звуке козел тихонечко и быстро перекрестился.

Алпатов встал.

Кощеева цепь. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

- Тебе что?
- Пост пополам хряпнул.
- Ну, так что?
- Коты на крыши полезли.
- Что ты хочешь сказать?
- Значит, месяц остался до половой воды.

Козел хорошо понял.

Козел такое все понимал.

- Какой ты заноза, я никогда не думал, что ты такой негодяй. Сейчас же садись и не мешай, а то я тебя вон выгоню.

Алпатов сел. Победа была за ним. Козел задрожал ногою и половица ходуном заходила.

- Вот вы опять дрожите, невозможно сидеть.
- Вон, вон! - крикнул в бешенстве учитель.

Тогда Алпатов встал бледный и сказал:

- Сам вон, обманщик и трус. Я не ручаюсь за себя, я не знаю, что сделаю, может быть и убью.

Тогда все провалилось: и класс исчез в гробовой тишине, и Козел.

Заунывно ударил еще раз колокол крестопоклонной недели. Козел перекрестился большим открытым крестом, принимая большое решение, сложил журнал, убрал карандаши.

- Ты - маленький Каин! - прошипел он Алпатову, уходя вон из класса.
- Козел, козел! - крикнул ему в спину Алпатов.

Через несколько минут в класс вошел обезьян, у него было торжественно-мрачное лицо, и он сказал:

- Алпатов, возьми свой ранец, уходи из класса и больше не возвращайся.

Алпатов не надел на спину ранец, как это непременно требуется, а взял его под мышку портфелем, запел:

- Allons, enfants de la patrie.

И пошел в коридор мимо директора, не поклонился и все пел "Contre nous de la tyrannie".

По пути домой он зашел в лавочку, купил себе черные пуговицы.

- Что случилось, что так рано? - спросила его добрая Вильгельмина, заболел?
- Меня исключили из гимназии, - сказал Алпатов.
- Wa-a-as-s?

Алпатов попросил ножницы, иголку с ниткой и пошел в свою комнату. Там он сел у столика, развернул свою заветную бумажку, положил на стол перед собой. И отпарывая блестящие серебряные пуговицы, пришивая черные, запел на весь дом:

Allons enfants de la patrie.

Кошечья цепь. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Le jour de gloire est arrive.

Верно из всех хозяек этого города одна добрая Вильгельмина понимала эту песню во всем ее ужасном значении.

- Alles verloren, - шептала она с ужасом. - Armes kind!

А за дверью до самого вечера гремело:

Contre nous de la tyrannie,

L'etendart sanglant est arrive.

Конец второго звена.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://prishvinmihail.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!